

Для цитирования: Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 4. — С. 1016-1029

doi 10.17059/2017-4-4

УДК 338

П. А. Минакир

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
(Хабаровск, Российская Федерация; e-mail: minakir@ecrin.ru)

ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ ПОЛИТИКИ «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»¹

Анализируются данные по российской экономике и экономике Дальнего Востока РФ, характеризующие макроэкономическую динамику, внешнеэкономические связи, воспроизводственные пропорции. Рассматривается процесс формирования субглобально ориентированной государственной экономической политики в России после 2010 г. Процесс изменения географического вектора экономической политики рассматривается с точки зрения модификации географической структуры ожидаемого прироста экспортной ренты страны, а также с точки зрения смещения центра концентрации ресурсов для формирования нового полюса роста национальной экономики. Приводится обзор макроэкономической динамики и анализируются факторы циклического развития российской экономики. Дана характеристика динамики географической структуры внешних рынков. Подход в статье основан на гипотезе о недостаточности реструктуризации внешнеторговых взаимодействий для переформатирования экономической политики и критической важности для этого институциональной интеграции в рамках нового интеграционного пространства. В статье рассматриваются тренды и закономерности, объясняющие параметры равновесия экономической системы российского Дальнего Востока, а также возможности перехода на новые равновесные уровни. Обсуждается соотношение инвестиционных и институциональных факторов модернизации и формирования стабильной позитивной макроэкономической и структурной динамики в регионе. Рассматриваются наиболее распространенные в российской и зарубежной научной литературе трактовки угроз и возможностей экономического развития Дальнего Востока России, в том числе влияние демографических тенденций, структурных модернизаций, факторов конкурентной среды, институциональных новаций. Рассматривается влияние китайского проекта «Один пояс — один путь» на перспективы реализации внутренней и внешней восточной экономической политики РФ.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Дальний Восток, внешняя торговля, экономический кризис, международная кооперация, институциональная среда, факторы роста, макроэкономика, миграция, инвестиции, мультипликатор

Введение

После кризиса 2009 г. значительно усилилось внимание к развитию восточных районов России в целом и формированию восточной экспортной базы для российской экономики. Одним из фундаментальных факторов как экономического роста, так и поддержания роли государства в качестве основного игрока, обеспечивающего социальную стабильность и устойчивость политического и экономического режима через механизм распределения федерального бюджета, является стабильный прирост чистого экспорта и, соответственно, внешнеторговой ренты.

Именно в этой области возникли серьезные проблемы. Основным полигоном для внешнеторговой экспансии к этому времени являлся

европейский рынок. Но именно на нем возможности экстенсивного наращивания экспортных доходов оказались исчерпаны в результате усиливающейся рыночной конкуренции и ограничительного регулирования Еврокомиссии на энергетических рынках. При этом Россия по-прежнему не готова использовать структурную и технологическую модернизацию для интенсификации изъятия внешнеторговой ренты. Сырье остается единственной структурной нишей для извлечения и увеличения этой ренты.

Поэтому продолжение курса на экстенсивное развитие за счет внешнего фактора активно потребовало поиска новой пространственной ниши. Таким новым экономическим пространством для России стала представляться Восточная Азия, в том числе Китай. Еще в большей степени это стало очевидно с 2014 г., когда развитие экономических связей

¹ © Минакир П. А. Текст. 2017.

с Европой еще более осложнилось из-за украинского кризиса.

Поворот на восток основывался на убеждении, что восточное направление дает гораздо больше возможностей для продолжения экстенсивного извлечения экспортной ренты, так как восточные рынки остро нуждаются в российском сырье и Восточная Азия является потенциальным стратегическим инвестором для России, способным заменить США и Европейский союз в технологическом обмене. Привлекательным является и то, что азиатские страны не настроены по отношению к России враждебно и не навязывают ей собственные правила игры, маскируя их рассуждениями о своем бесспорном ценностном лидерстве.

Эти предположения формулируются как аксиома, но на деле таковой не являются, маскируя серьезные препятствия, специфичные именно для случая Восточной Азии: 1) синдром «плохой истории»: азиатские партнеры могут объективно быть не уверены в необратимости нынешнего «поворота», так как что декларация 1987 г. о повороте советской экономики на Восток была аннулирована после 1991 г. в угоду евроцентристской модели реформы, а нынешний «поворот» активизировался лишь после обострения политических отношений с Европой; 2) высокий уровень нетарифных барьеров, сохраняющийся в азиатских экономиках, что препятствует либерализации рынков, особенно вхождению на рынок новых крупных игроков с неэнергетическими товарами; 3) преувеличенные оценки зависимости азиатского рынка от российского сырья: Китай и в целом Восточная Азия диверсифицировали свои источники сырья, российское сырье может стать критически важным только в случае блокады морских торговых путей; 4) переоценка возможности финансового и технологического замещения евроатлантического направления восточноазиатским, так как финансовые трансакции Китая по линии основных банков блокированы санкциями, а остальные страны Восточной Азии вообще не могут выступать финансовыми донорами для России [2, с. 81–104]; существенных технологических возможностей Восточная Азия (исключая частично Японию) также не имеет, что делает совместные проекты в сфере торговли и военнотехнического сотрудничества единственной возможностью для кооперации на восточноазиатском направлении в ближайшем будущем; 5) для азиатских стран основа взаимодействия — экономическое присутствие России в Азии, и наличия торговых связей по очень ограни-

ченной номенклатуре для этого недостаточно, необходимо наращивание не только инвестиционного, технологического, гуманитарного, но и институционального сотрудничества, что может опираться только на ощутимый общеэкономический потенциал России в Восточной Азии [3, 4].

Это, конечно, предполагает наращивание экономического потенциала России непосредственно в зоне Северо-Восточной Азии, то есть усиление экономической «заметности» Дальнего Востока и Восточной Сибири. Это включало в себя и переход на новый уровень инфраструктурного строительства на Дальнем Востоке, так как выход в новое экономическое пространство на старой структурной основе требовал формирования новых инфраструктурных коридоров для экспорта. Эти коридоры могли проходить только через Дальний Восток [5, с. 286–289]. И именно этот регион должен был быть представлен восточноазиатскому и в целом тихоокеанскому сообществу в качестве экономического и инфраструктурного «посла» России, который должен быть узнаваем.

Дальний Восток, с этой точки зрения, должен стать развитым не просто в прежнем госплановском представлении (комплексность, самодостаточность, статистическая динамичность), но в плане формирования комфортной инфраструктуры, обеспечивающей внутри- и межрегиональную мобильность, комфортабельные и сопоставимые с восточноазиатским уровнем развития медицины, образования, культурной среды, коммунальной и социальной инфраструктуры (жилье, благоустройство, экология), благоприятной бизнес-среды.

Поэтому обязательным элементом «поворота на восток» должно было стать не просто формирование магистральной экспортпроводящей инфраструктуры на территории Дальнего Востока (дорожной, трубопроводной, электросетевой) для поддержания на ближайшее время вынужденного курса на экстенсивное наращивание экспорта, но и общеэкономическое развитие Дальнего Востока.

Конечно, в действительности ничего особо нового в стремлении развивать Дальний Восток экономически и усиливать интеграционные взаимодействия с Азиатско-Тихоокеанским регионом нет. Эта политика имеет давнюю историю, но формы, инструменты и акценты, конечно, постоянно изменялись.

Российские экономические тренды

Восстановление российской экономики после кризиса 2009 г. заняло 2 года. В 2011 г.

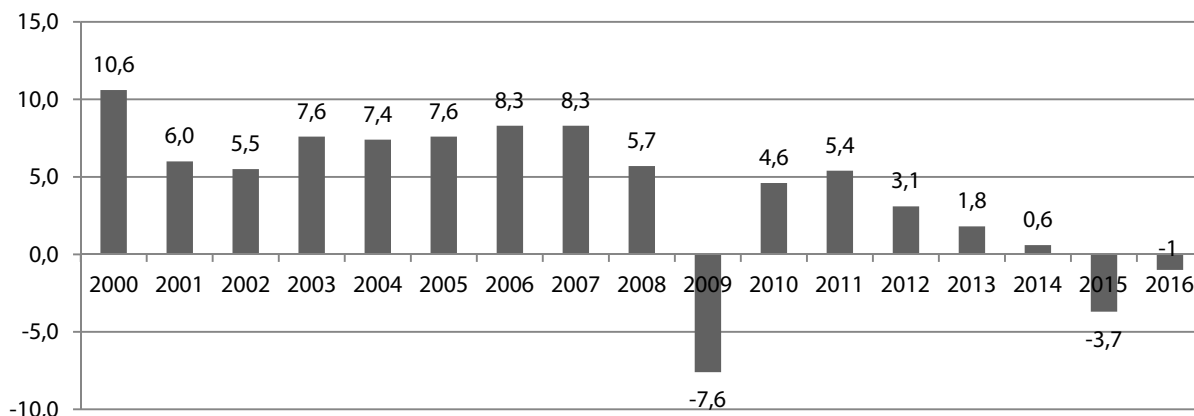

Рис. 1. Темп роста ВВП России, %

темпы роста ВВП увеличились до предкризисного уровня. Однако начиная с 2012 г. российская экономика начала входить в новую фазу стагнации. Хотя уровень мировых цен на углеводороды и прочее сырье оставался еще высоким, темпы роста начали снижаться (рис. 1). Причины этого связаны с фундаментальными факторами роста российской экономики.

Во-первых, внутренний платежеспособный спрос после кризиса 2009 г. восстанавливался очень слабо. Реальная заработная плата в экономике в 2000–2007 гг. увеличилась в 1,5 раза, а в 2008–2015 г. — только на 18 %.

Во-вторых, не произошло никаких изменений в продуктивности факторов производства. Вклад капитала даже несколько сократился (с 55 % в 2000–2007 гг. до 53 % в 2008–2015 гг.), как и вклад труда (с 45 % в 2000–2007 гг. до 43 % в 2008–2015 гг.). Следовательно, общая эффективность производства не повысилась и не смогла выступить в качестве фактора роста ограничения внутреннего и внешнего спроса.

В-третьих, мировые цены на нефть начиная с осени 2012 г. начали снижаться, отражая стагнацию внешнего спроса на основную экспортную позицию России. И хотя до середины 2014 г. их уровень все еще превышал 100 долл. за баррель, болезненным результатом для российской экономической динамики стало прекращение роста нефтяной ренты и соответствующих доходов федерального бюджета. В целом снижение цен на нефть, начиная с 2013 г., привело к падению объемов внешнеторгового оборота с 844,2 млрд долл. до 441,6 млрд долл. в 2016 г. (почти на 48 %), притом что стоимость чистого экспорта сократилась за этот период на 58 %. Это привело к сокращению возможностей для инвестирования. В результате уже с 2013 г. началось снижение физического объема инвестиций в основной капитал, которое происходило параллельно с оттоком капитала из

российской экономики. Общее снижение объема инвестиций в 2013–2016 гг. составило 41 процентный пункт.

Вышеуказанные причины осложнений общеэкономической ситуации были важны, но их недостаточно для начала экономического кризиса. Просчеты в области экономической макрополитики и институционального строительства обусловили в период кризиса 2007–2008 гг. проявление негативных тенденций в российской экономике более острое, чем в экономиках других стран БРИКС. Это выразалось в максимальных для этой группы стран темпах падения ВВП, что контрастировало с сохраняющимся высоким уровнем мировых цен на нефть. Эти же просчеты обусловили чрезвычайно слабый рост российской экономики в 2009–2013 гг., несмотря на улучшение условий доступа к кредитам на европейских финансовых площадках и в самой России [6; 7, с. 26; 8, с. 7–15].

Однако хотя внутренний спрос и продуктивность факторов производства снижались, в целом до 2014 г. циклические факторы, а именно внутренний потребительский и инвестиционный спрос, показывали вполне приемлемую динамику для поддержания невысоких, но все-таки положительных значений экономического роста. В частности, вплоть до первого квартала 2014 г. увеличивались инвестиции в основной капитал (120 % в 2013 г. по сравнению с 2009 г.) и потребительский спрос, который рос вплоть до третьего квартала 2014 г. (рост за 2009–2014 гг. составил 135 %) [9].

Существовало две общие причины того, что российская экономика оказалась в состоянии кризиса: во-первых, это институциональные провалы, а во-вторых, структурное несовершенство экономики.

Российская экономика с точки зрения рыночных структур сформировалась как двух-

секторная. Одна часть экономики, к которой относятся сектора социальных услуг (образование, здравоохранение и даже наука), нематериальные услуги, строительство, пассажирский транспорт, малый и средний бизнес, отрасли, производящие продукцию конечного потребительского назначения, функционирует на конкурентных рынках. Вторая часть — магистральный транспорт, добывающая промышленность, крупнейшие банки, госкорпорации, производство и распределение электроэнергии и тепла монополизированы и контролируются государством (фактически и юридически).

Двухсекторной является и экономическая политика государства. Она построена на основе принципов рыночной либерализации в части первого сектора экономики и основана на государственном монополизме в части второго сектора. Общей оболочкой государственной экономической политики является при этом политика финансовой либерализации в глобальном аспекте, которая обеспечивает концентрацию рентных доходов как от внешнеторговых, так и внутрироссийских операций в монополизированных секторах экономики.

В качестве основной причины поддержания такой структуры экономики и экономической политики постоянно указывается на необходимость обеспечения внешнего финансирования российской экономики. Внешнее финансирование, в свою очередь, оказывается необходимо из-за того, что внутри страны не хватает ликвидности для финансирования необходимых монополизированному сектору инвестиций. Это объяснение имеет очевидные изъяны.

Уровень монетизации ВВП России перед началом кризиса составлял порядка 50 % при среднемировом показателе более 100 %. Это создавало предпосылку относительного дефицита денежной массы при условии стабильного накопления. Восстановившийся с 2010 г. экономический рост не мог быть обеспечен приростом денежной массы. Дефицит нарастал в течение всего предкризисного периода. Российский денежный рынок по объему денежной массы составлял 0,8 % мирового, хотя Россия до начала девальвации национальной валюты создавала почти 3 % мирового объема ВВП. Дефицит денежной массы, необходимой для финансирования накопления, не мог быть покрыт внутренними источниками из-за антиинфляционной ограничительной политики Центрального банка России. Экономические агенты в этих условиях самостоятельно искали источники финансирования инвестиций. Наиболее эффективным источником явля-

лись внешние заимствования. Обслуживание формирующегося в результате этих заимствований внешнего долга, а также зарубежные иностранные инвестиции в финансовые активы, привлекаемые высоким уровнем учетной ставки, объективно превращали отток капитала и периодические потрясения финансового рынка в неизбежную цену за проведение избранной финансово-экономической политики. В 1995–2015 гг. в виде иностранных инвестиций Россия ввезла 1,3 трлн долл., выведя из страны за это же время в форме оттока капитала и стерилизации валютных доходов в зарубежных облигациях почти 3 трлн долл. [10, с. 7–13].

Выше изложена объективная причина формирования предпосылок экономического кризиса в России. Но превращение абстрактных причин в реальные макроэкономические события требует реальных поводов. Такими поводами стали синхронизированные во времени внешние шоки — конъюнктурный шок и структурно-финансовый шок.

Конъюнктурный шок имел форму катастрофического падения мировых цен на нефть, которые снизились со 112 долл. за баррель в середине 2014 г. до 30 долл. в 2015 г. с последующей корректировкой, но и в настоящее время находятся на уровне 50–55 долл. за баррель. Объяснить это снижение финансово-экономическими или технологическими изменениями параметров спроса невозможно. Скорее, это стало, во всяком случае для российской экономики, одним из результатов отраслевого монополизма, блокирующего технологические инновации, а также разрушения системы научно-технического обеспечения отраслевой экономической динамики и структурной модернизации, начавшейся в 1992 г. и происходящей до сих пор, что привело к провалу в области системной аналитики и прогнозирования конъюнктуры отраслевых рынков в частности недооценки технологического прорыва в нефтегазодобывающей промышленности (сланцевая революция).

Снижение экспортных цен привело к почти 10-процентному сокращению совокупного дохода (и экономических агентов и государственного бюджета), так как 70 % экспорта и 40 % доходов федерального бюджета связаны именно с нефтью (добыча, экспорт, переработка). Это запустило последовательность отрицательных эффектов: уменьшение валютной массы — увеличение цены денег — появление негативных ожиданий инвесторов и домашних хозяйств — сокращение объемов инвестиций и потре-

бительского спроса — снижение темпов роста — сокращение доходов занятых — сокращение количества рабочих мест. За предыдущие годы в экономике были сформированы акселераторы, которыми являлись, во-первых, увеличение государственного и личного потребления, а во-вторых, рост стоимостных объемов сырьевого экспорта.

Но компенсаторов негативных воздействий не появилось. Ими могли бы стать новые сектора экономики и увеличение разнообразия видов деятельности в традиционных секторах, что обеспечивало бы генерацию внутреннего спроса независимо в определенной степени от внешней конъюнктуры. Однако необходимые для этого ресурсы (как финансовые, так и институциональные) были ориентированы на имиджевые мегапроекты, которые поглощали необходимые для инвестирования в развитие «новой экономики» экспортные доходы.

Структурно-финансовый шок принял форму секторальных и финансовых санкций. Наиболее очевидным последствием этого шока являлся отток капитала из России, размер которого увеличился почти в 4 раза в 2014 г. по сравнению с 2013 г., причина — не только финансовые санкции, но и реальные перспективы корпоративного дефолта в связи с чрезвычайно высоким уровнем частного внешнего долга при резко сократившихся в результате санкций возможностях его реструктуризации, что повышало вероятность остановки платежей по обслуживанию этого долга [11]. К 2014 г. размер частного внешнего долга России составлял 665 млрд долл., увеличившись в 20 раз после 1998 г.

Возникли устойчивые ожидания дефицита валюты для обслуживания внешнего долга и оплаты импорта. Эти ожидания стали причиной введения Центральным банком режима плавающего курса рубля. Это стало очередным проявлением неумеренно либеральной денежной и валютной политики в условиях надвигающегося кризиса. В действительности существовала альтернатива такого решения, даже если согласиться с мнением Центрального банка о недооцененности пиковых платежей по внешним частным долгам (значительную часть которых составляли долги государственных корпораций и банков). В 2014 г. потребность в валюте для обслуживания внешнего долга составляла примерно 35 млрд долл. США. Приближение пиковых выплат по долгам увеличило эту потребность до приблизительно 100 млрд долл. США. Но если учесть спрос на валюту для уплаты налогов и финансирования

импорта, то эта сумма увеличивается до 570–600 млрд долл.

В то же время предложение валюты за счет доходов от экспорта составило 470 млрд долл. Еще почти 80 млрд долл. составили в 2014 г. валютные интервенции Банка России. То есть совокупное предложение валюты оценивается в 550 млрд долл. Образовавшийся дефицит максимально в 50 млрд долл. должен был бы привести к 10–15-процентной девальвации рубля. Даже с учетом вывода капитала по политическим мотивам (что увеличивало спрос на валюту почти на 70–80 млрд долл., а пиковый дефицит валюты до 130 млрд долл.) размер девальвации должен был бы составить 20–25 %. Это, в общем, соответствовало бы девальвации валют других экспортирующих сырье стран (Канада, Австралия, Саудовская Аравия). Такой размер девальвации отражал объективную переоцененность рубля, которая сложилась уже к 2013 г. И именно таков был размер девальвации, сложившийся к октябрю 2014 г. и отражавший новое равновесное значение обменного курса.

Но реальная девальвация в 2015–2016 гг. в среднем по сравнению с предыдущим периодом после кризиса 2009 г. составила почти 75 % (табл. 1). Было две причины для проведения такой девальвации. Во-первых, реально

Таблица 1
Среднегодовой обменный курс рубля к доллару США, руб/долл.

Период	Обменный курс
2005–2008 гг.	26,8
2009–2014 гг.	30,8
2015–2016 гг.	56,5

Источник: данные Банка России за соответствующие годы, расчеты автора.

поступавшая в страну по каналам внешней торговли валюта не могла быть мобилизована для обеспечения устойчивости платежного баланса, так как правительство и Центральный банк отказались ужесточить правила валютного регулирования, с тем чтобы концентрировать основную часть валютных потоков для обеспечения равновесия на валютном рынке. Во-вторых, имевшиеся возможности усиления контроля за движением капитала с целью ограничения вывода капитала не были использованы. Аргументы правительства и Центрального банка сводились к тому, что это приведет только к росту издержек на движение капитала, не изменяя общей величины потока.

Как и в 1999 г., с некоторым временным лагом девальвация национальной валюты стала временным компенсатором, увеличив конкурентоспособность некоторых экспортных производств и производств, обладавших производственными возможностями для замены импортной продукции (в химической, легкой и пищевой промышленности). Еще одним компенсатором стал сам санкционный режим в некоторых секторах экономики (микроэлектроника, электротехника, энергомашиностроение, сельское хозяйство, фармацевтика), так как срыв поставок комплектующих и готовой продукции вынудил осуществить ресурсный маневр в пользу этих производств. Однако действие этих компенсаторов ограничивается спадом в производстве конечной продукции при сокращении общего уровня спроса в экономике, что препятствует сохранению тенденции роста производства сырья и полуфабрикатов.

В целом современный российский кризис необходимо рассматривать в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения влияния жесткости институциональных форматов, а во-вторых, с позиций воспроизводственных циклов.

Логика формирования и прохождения фаз воспроизводственного цикла присутствует в нынешнем кризисе. Концентрация ресурсов в секторах, эксплуатирующих наиболее динамичные и устойчивые сегменты совокупного спроса, а также повышение уровня ценовой конкурентоспособности в экспортном секторе экономики смягчили падение производства (7,8 % в 2008–2009 гг. и 3,4 % в 2015 г.), несмотря на подобию основных макроэкономических параметров, характеризующих эти кризисы (размеры вывоза капитала, сокращение золотовалютных резервов, рост инфляции).

Однако сохранившаяся жесткость институциональных форматов не позволяет конвертировать последствия действий структурных компенсаторов в изменение структурных параметров и поведенческих реакций экономики. Причина заключается в незыблемости управленческих, кадровых, идеологических (в смысле экономических концепций) устоев российской экономики.

Структурные и поведенческие сдвиги, которые гарантируют переход экономики на качественно новый уровень организации и динамики, возможны только при изменении принципов финансовой политики, увеличении степеней свободы для экономических агентов, функционирующих в конкурентной среде, и расширении пространства самой этой конкурентной среды. В противном случае инерция

выхода из спада будет затухать, и вместо преобразования оживления экономики в новый виток экономического роста может произойти консервация на более или менее длительное время состояния экономической стагнации. Тогда ускорение роста потребует очередного внешнего или внутреннего шока.

Начиная с 4-го квартала 2016 г. в российской экономике регистрируется статистический подъем. Рост ВВП составил 0,3 % в 4-м квартале и 0,5 % [12] в 1-м квартале 2017 г. по сравнению с 1-м и 4-м кварталами 2015 и 2016 гг. В связи с этим международные организации прогнозируют рост российского ВВП в 2017 г. на уровне 101,4 % (ОЭСР и МВФ) и 101,3 % (Всемирный банк) [13]. В самой России прогнозируется рост в целом за 2017 г. на уровне 102 %, хотя еще в январе прогноз Минэкономразвития РФ составлял 100,6 %. Причиной улучшения и внутрироссийских и международных прогнозов является ожидающееся оживление в сфере инвестиций и международной торговли, в частности совокупного экспорта на глобальном уровне [13]. Конечно, общее увеличение спроса в мировой экономике приведет к некоторому увеличению спроса на основные экспортные позиции России, что и отражается в ожиданиях экспертов. Эти прогнозы поддерживаются также и пересмотром рейтинговым агентством S&P в положительную сторону суверенного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного» [12].

Однако до настоящего времени изменения фундаментальных основ, определяющих долговременный тренд развития экономики страны, не произошло. По-прежнему надежды связаны с будущим изменением тренда мировых цен на углеводороды. Эти надежды могут оправдаться, но могут и не оправдаться. Вероятность последнего весьма высока.

Во-первых, даже улучшение глобальной макроэкономической конъюнктуры не является гарантией формирования разрыва спроса и предложения на мировом рынке углеводородов из-за сложившегося превышения потенциального предложения над потенциальным спросом. За время низких цен практически все фирмы-производители и государственные бюджеты стран-производителей понесли значительные потери в форме недополученных доходов. Любое улучшение конъюнктуры будет ими рассматриваться, скорее всего, как сигнал для наращивания предложения в максимально возможных размерах для перераспределения в свою пользу аккумулированных в предыдущий период странами — импортерами сверхдоходов. Результатом может быть нарушение

баланса спроса и предложения уже при новых уровнях спроса и возврат экспортных цен к низким уровням.

Во-вторых, быстрый технический прогресс меняет структуру потребления энергии и удельные нормативы потребления, объективно сокращая глобальный спрос.

Пока можно, очевидно, говорить только о поддержавших экономику краткосрочных структурных и институциональных эффектах, которые, впрочем, связаны более с внешними факторами, а не с фундаментальными сдвигами в самой российской экономике. Рост в пищевой промышленности и в целом в АПК обеспечен благодаря увеличению инвестиций на фоне импортозамещения. Прирост в металлургии обусловлен улучшением рыночной конъюнктуры. Государственные заказы в военно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе также поддержали экономику.

Фундаментальными факторами роста российской экономики по-прежнему остаются чистый экспорт и внутренний спрос. Динамика чистого экспорта при сложившейся структуре экспорта угнетается внешней конъюнктурой и может быть активизирована только в случае реальной структурной и технологической модернизации российской экономики, то есть в случае замещения не по доле, а по объему экспорта углеводородов экспортом прочих товаров и услуг. Это невозможно сделать в короткий период. Но и в долговременном аспекте это предполагает интенсивные инвестиции в технологии производства и управления. Так как сбережения при отсутствии способов их трансформации инвестиции и при низком уровне взаимного доверия государства, частного бизнеса и населения не могут рассматриваться в качестве источника инвестиций, предлагается увеличить норму совокупного долга с нынешних 100 % ВВП до 150 %, то есть привлечь в экономику в течение 10 лет порядка 40 трлн руб. инвестиций [14]. Но это не очень реалистичное предложение, так как при блокировании внешних источников финансирования совокупный долг может увеличиваться только за счет трансформации сбережений в инвестиции, что, как отмечалось выше, нереально без серьезных институциональных трансформаций.

В целом, даже с учетом улучшения общей макроэкономической ситуации (относительная стабилизация обменного курса рубля, постепенное снижение учетной ставки Центрального Банка, прекращение падения объемов ВВП, относительная стабилизация цен на нефть) самые оптимистичные оценки пред-

стоящего в 2017–2020 гг. экономического роста, если он состоится и не будет сорван экстремальными внешними или внутренними факторами (обвал нефтяных цен, обвал валютного курса рубля, чрезмерное укрепление рубля и т. п.), находятся в диапазоне 1,5–2 % ежегодного прироста. В этом случае российскую экономику ждет длительная стагнация с периодическими спадами в результате циклических или генерированных внеэкономическими причинами внешних конъюнктурных шоков. Это тем более вероятно, что технологическое отставание российской экономики в смысле изменения общей парадигмы структурно-технологического развития не сокращается, соответственно, разрыв между российской экономикой и сектором развитых стран мира увеличивается [15, с. 279–282].

Поворот на Восток

Содержание государственной экономической политики в отношении восточных районов страны и Дальнего Востока в частности только за последние 30 лет претерпело существенные изменения. Можно выделить наиболее общие с точки зрения концепции регулирования этапы.

В 1987–1991 гг. развитие региона основывалось на наращивании централизованных государственных ресурсов, предназначенных для поддержания и усиления традиционных секторов хозяйства и социальной инфраструктуры.

В 1992–2006 гг. основной идеей являлось саморазвитие региона при минимальной поддержке государственными ресурсами накопления и ориентации региональной экономики на рынки сопредельных государств.

В 2007–2012 гг., в значительной степени в связи с подготовкой к саммиту АТЭС, который прошел во Владивостоке в 2012 г., развитие региона опять стало приоритетным для государственного регулирования и осуществлялось на основе наращивания государственного спроса за счет увеличения государственных же инвестиций, что стимулировало экономический рост в регионе. Государственные инвестиции поступали в регион по линии государственных корпораций и частных корпораций, ориентирующихся на государственный спрос и были направлены на развитие производственной и инфраструктурной основы экспортного сектора.

С 2013 г. основания государственной политики стимулирования развития восточных регионов опять были пересмотрены в связи с явно проявившимися фундаментальными

проблемами, которые препятствовали достижению успеха в развитии региона.

Во-первых, ухудшилась общая макроэкономическая ситуация в стране и началось перераспределение средств федерального бюджета в пользу внеэкономических статей расходов. Поддерживать высокий уровень государственных инвестиций в экономику региона стало невозможно, а основные корпоративные проекты завершились или завершались.

Во-вторых, поддержание высокого уровня темпов роста на Дальнем Востоке предполагало постоянное увеличение затрат бюджетных ресурсов, что становилось невозможным в условиях сокращения после кризиса 2009 г. потенциала роста доходной части государственного бюджета.

В-третьих, инъекции инвестиций из государственного бюджета при их определенной величине и темпах роста способны обеспечить желательное для Центра опережение темпов роста региональной экономики по сравнению с общенациональными темпами. Но при этом невозможно добиться собственно развития региона, которое предполагает изменение качества социальной, коммунальной и бизнес-среды в регионе, создание механизмов внутрирегиональной генерации доходов, обеспечение превышения альтернативных расходов над альтернативными доходами в комплексе с эффективной мобильностью граждан и экономических ресурсов. Такой результат предполагает переход к выращиванию эффективных экономических институтов, сопровождаемый, а не предваряемый финансовыми вливаниями.

В связи с ясным пониманием этих взаимосвязанных проблем уже в 2013 г. акцент в области восточной политики России сменился. Она начала строиться как два относительно самостоятельных, хотя и связанных фрагмента.

Первый — дальнейшее развитие экспортной инфраструктуры для наращивания масштабов внешнеторговых операций российских экспортеров на восточном направлении.

Второй — переход от увеличения государственного инвестирования в производственные и инфраструктурные проекты к внедрению институциональных новаций на Дальнем Востоке, которые призваны сделать регион процветающим и современным за счет улучшения человеческого капитала, привлечения населения и частного предпринимательства как из России, так и из-за рубежа.

В 2000–2008 гг. многие системные проблемы региона были устранены или смягчены. Ввод новых электрогенерирующих мощ-

ностей, сетевое строительство, завершение строительной части проекта освоения углеводородов на шельфе Сахалина привели к тому, что регион перешел из числа энергодефицитных в число энергоизбыточных. Модернизация Транссибирской магистрали и начало реконструкции и развития БАМ вместе с корректировкой тарифной политики на железнодорожном транспорте и развитие морских портов значительно улучшили состояние транспортной инфраструктуры. Существенно изменилась инвестиционная ситуация, быстро развивался экспортный сектор экономики [1, с. 18].

В 2007–2012 гг. на Дальнем Востоке был реализован крупный инвестиционный проект с внешними для региона капиталовложениями — строительство инфраструктуры для проведения форума АТЭС. Но за счет государственных капиталовложений не удалось существенно снизить риски для инвестирования в региональную экономику. Приток частного капитала с 2011 г. сменился его оттоком, а для дальнейшего развития компаний поиск инвестиций стал проблемой. Индекс инвестиционного риска региона остается выше, чем в среднем по стране¹, что ставит под сомнение результативность реализации задачи по формированию на территории Дальнего Востока благоприятного инвестиционного климата. Капиталовложения в рамках имиджевого проекта АТЭС, а также в прочую инфраструктуру региона за счет средств федерального бюджета и внебюджетных фондов, не вызывают мультипликативный эффект для региональной экономики. В среднем за 1992–2014 гг. вложение 1 руб. инвестиций в основной капитал увеличивало прирост ВРП Дальнего Востока лишь на 0,14 руб., что ниже, чем для России в целом (0,20 руб.) [16].

На Дальнем Востоке крупные инвестиционные программы имеют главным образом государственные корпорации, получающие поддержку в виде льгот и субсидий. Практически каждое третье предприятие в рейтинге крупнейших компаний региона — с государственным капиталом, с большей долей совокупной выручки. На самом деле доля государственных и муниципальных предприятий в объеме производимых продукции и услуг в регионе еще больше. Закрытость и непрозрачность бизнеса

¹ Несмотря на его сокращение, которое, как предполагается, было вызвано в целом выравниванием рисков между регионами России. Индекс инвестиционного риска оценивается рейтинговым агентством «Эксперт РА» и представляет собой сочетание социального, экономического, финансового, криминального, экологического и управленческого рисков.

Таблица 2
Сравнительная динамика макроэкономических трендов, 2009 и 2016 гг., % (2009 = 100 %)

Индекс	Российская Федерация	Дальний Восток
ВВП/ВРП	111,9	111,5
Промышленное производство	115,4	140,9
Инвестиции в основной капитал	108,1	91,6
Экспорт	80,5	137,5
Импорт	106,4	111,1

Таблица 3
Структура товарного экспорта Дальнего Востока в США, %

Товарная группа	2000	2010
Всего	100	100
Машины, оборудование, транспортные средства	16,5	0,8
Топливо, минеральное сырье, металлы	34,9	84,7
Древесины и целлюлозно-бумажные изделия	17,3	4,4
Пищевкусовые товары	23,4	9,9
Прочие	7,9	0,2

на Дальнем Востоке усугубили крупные российские корпорации, поглощая акционерные общества и превращая их в зависимые структуры, нередко уводя активы из региональной юрисдикции.

Несмотря на эти проблемы и на спад в 2009 г., который, кстати, благодаря эффекту внешней торговли был слабее, чем в целом по российской экономике, весь период 2000–2016 гг. был для региона сравнительно успешным (табл. 2).

Конечно, упоминаемая в каждом официальном документе о развитии Дальнего Востока задача достижения стабильно опережающих среднероссийские темпов роста дальневосточной экономики не решена (рис. 2). Но ее и нельзя решить без увеличения в разы инвестиционного мультипликатора, низкие значения которого определяются тем, что основная часть инвестиций вкладывается в инфраструктурные и социальные проекты, а также чрезвычайно низким уровнем локализации экономических эффектов в пределах региона [17].

Инвестиции в основной капитал являются реальным стимулом не для стоимости валового регионального продукта, а для роста регионального экспорта (рис. 3), именно потому, что значительная часть инвестиций направляется на строительство и развитие экспортной инфраструктуры и в экспортные проекты, которые осуществляются в регионе.

Структура стоимости экспорта из региона претерпела существенные изменения, демонстрирующие превращение за последние 15 лет Дальнего Востока в нефтеэкспортирующий регион, благодаря началу широкомасштабного экспорта углеводородов с Сахалинского шельфа. Структура товарного экспорта Дальнего Востока в общем объеме экспорта Северо-Восточной Азии представлена в таблице 3. Концентрация почти 99 % регионального экспорта на традиционных и новых продуктах сырьевой специализации (топливные и лесные товары, цветные металлы, металлические руды, рыбопродукция) свидетельствует о прогрессирующем закреплении эффективной с точки зрения коммерческих критериев размещения новой, по

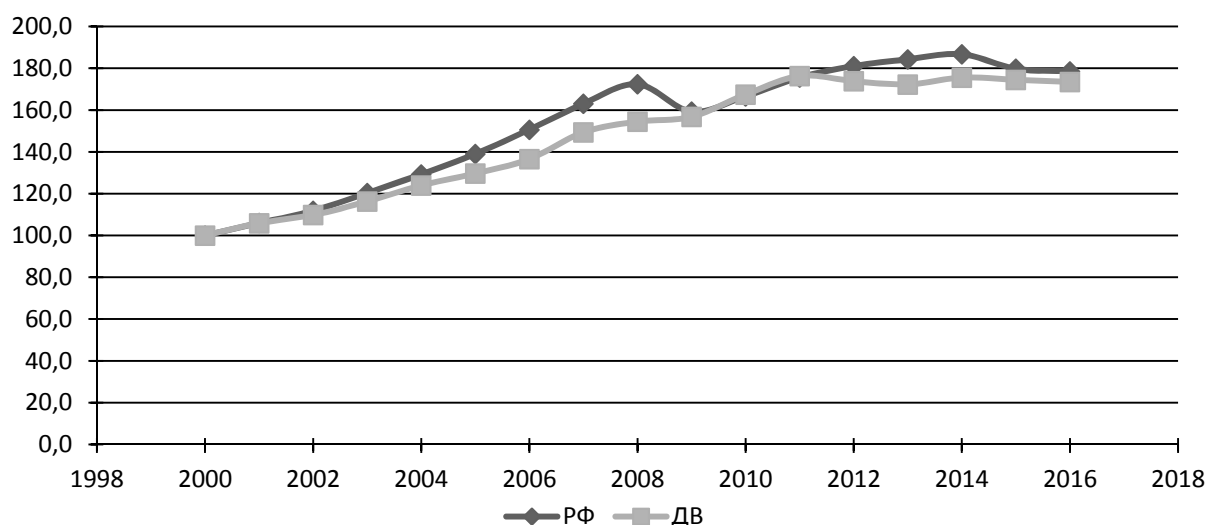

Рис. 2. Динамика российского/дальневосточного ВВП/ВРП, %, 2000 = 100

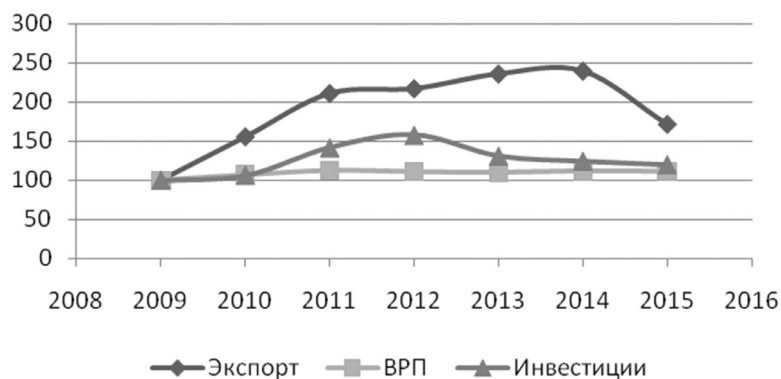

Рис. 3. Экспорт, инвестиции и ВРП на российском Дальнем Востоке, % (2009 = 100)

сравнению с советским периодом развития, специализации. Это свидетельствует также и о том, что в регионе объективно возникает рациональное разделение сфер инвестирования: государственные инвестиции концентрируются в инфраструктурном сегменте, а частные инвестиции — в сегменте добычи и экспорта природных ресурсов. Наиболее ярко это проявляется на примере прямых иностранных инвестиций. 89 % всех накопленных в регионе к 2015 г. прямых иностранных инвестиций представляли собой инвестиции в Сахалинской области.

Сокращение оттока населения с Дальнего Востока является одной из фундаментальных задач, которые в течение всего постсоветского периода пытаются решить федеральные власти, и постоянно приводится в средствах массовой информации как важнейший аргумент в пользу принятия особых мер, стимулирующих развитие региона. Сокращение после 1991 г. населения Дальнего Востока на 1,8 млн чел. (20 % населения на 1 января 1992 г.) является фактом, но отнюдь не исключительно дальневосточным (табл. 4). Тем не менее малолюдность эксплуатируется в качестве аргумента принятия всевозможных чрезвычайных и чудодейственных мер очень широко.

Таблица 4
Динамика численности населения РФ (без Крыма), млн чел

Федеральный округ	1991	2015	Прирост (+) убыль (-)
Центральный	38,1	39,1	+1,0
Северо-Западный	15,2	13,8	-1,4
Приволжский	31,9	29,7	-2,2
Южный	13,6	14,0	+0,4
Северо-Кавказский	6,6	9,7	+3,1
Уральский	12,7	12,3	-0,4
Сибирский	21,1	19,3	-1,8
Дальневосточный	8,05	6,2	-1,85
РФ в целом	147,2	144,1	-3,1

В действительности причины оттока населения из региона в начале 1990 г. были объективны: во-первых, сокращение масштабов и изменение структуры экономической деятельности в регионе в 1990-х гг., во-вторых, стремление защитить свои имущественные права в новых государствах (прежние гарантии сохранения за выезжавшими на Дальний Восток права на жилье в «родных» районах были автоматически утрачены выходцами из бывших союзных республик), в-третьих, потеря уверенности в том, что доходы, полученные на Дальнем Востоке, являются гарантией накоплений для будущей жизни. Ранее именно эта гарантия, а даже не текущий уровень номинальных доходов, являлась стимулом для мигрантов, приезжавших в регион.

Усилия по развитию инфраструктуры для экспортного транзита на Дальнем Востоке обусловили определенные успехи в усилении внешнеторговой активности России на востоке. За 2008–2016 гг. доля рынков АТР в российском внешнеторговом обороте увеличилась на 10 п. п. с 20,4 % до 30 % в общем внешнеторговом обороте при сокращении доли Европейского союза за этот же период с 52 % до 43,1 %. Естественно, особое значение азиатские рынки имеют для Дальнего Востока, доля стоимости экспорта которого в страны Северо-Восточной Азии в 2010–2015 гг. составляла порядка 77 %.

Но некоторого усиления внешнеторговых позиций на восточноазиатских рынках недостаточно для изменения географического вектора развития [18]. Задача ставится шире — обеспечить широкомасштабную интеграцию с восточным сегментом мировой экономики. Для этого необходима интеграция на рынках факторов производства, создание общей институциональной платформы, подключение всей экономики РФ к позиционированию страны в АТР и СВА в качестве мощной экономической силы.

Институциональный дрейф

Создание основ единой институциональной платформы для интеграции со странами АТР и одновременно предпосылок для привлечения частных инвестиций для развития Дальнего Востока является важнейшей задачей, начиная с 2014 г. Для ее решения предложено несколько институциональных новаций, которые впервые после 1987 г. получили статус федеральных законов.

Одной из таких новаций, которая предлагается в качестве абсолютно нового и, безусловно, эффективного инструмента развития, является концепция территорий опережающего развития (ТОР), в рамках которой на выделенных территориях государство обеспечивает развитие базовой инфраструктуры, а также предоставляет налоговые и административные льготы [16, 19].

Подобный опыт в России, и на Дальнем Востоке в частности, ранее использовался. Еще в 1989 г. была предпринята первая попытка создать на Дальнем Востоке свободную экономическую зону «Находка». В начале 1990-х гг. и на Дальнем Востоке, и в других регионах России были созданы, во всяком случае продекларированы, несколько свободных экономических зон. Некоторые из них (в Калининградской и Магаданской областях) просуществовали до недавнего времени. В отличие от множества известных локальных экономических зон развития в разных странах (Франция, КНР, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Япония) в российских зонах государство (или регионы) предоставляли лишь некоторые льготы для бизнеса. Инфраструктура, ценообразование, административные режимы оказывались вне поля государственной политики. В то же время успех функционирования свободных экономических зон не был гарантирован даже в случае распространения государственного (регионального) патронажа и на эти сферы.

Предложенная модель территорий опережающего социально-экономического развития учитывает необходимость системного государственного регулирования условий привлечения инвестиций и ведения экономической деятельности. Принцип разделения ответственности государства (регионов) и экономических агентов соблюдается в форме обеспечения государственных инвестиций в инфраструктуру, обеспечения минимизации административных барьеров для бизнеса и предоставления максимально возможных льгот, минимизирующих издержки экономических агентов.

Однако и это не гарантирует успех. Главной составляющей позитивного результата от конструирования подобных «институциональных гаваней», определившей успех свободных экономических зон, например в КНР, является обеспечение возможности эффективного предпринимательства на этих территориях. Наличие налоговых, тарифных, таможенных и прочих льгот является приятным бонусом для бизнеса. Но главным стимулом служит возможность получения гарантированной прибыли, что определяется не только уровнем ценовой конкурентоспособности, но и масштабом производства, наличием эффективных и дешевых факторов производства, емкостью доступных рынков сбыта.

Институциональные новации не просто имеют целью привлечение инвестиций, но должны служить инструментом развития Дальнего Востока, одновременно выполняя роль пилотного проекта для последующего внедрения в других регионах РФ. Именно с этой точки зрения эффективность территорий опережающего развития как основного инструмента развития территории не может приниматься в качестве аксиомы. К настоящему времени экспериментальных доказательств этого тезиса нет, и появиться они могут, конечно, только после накопления фактических данных о результатах измерения прямых и косвенных эффектов от применения этого инструмента.

Возможно, что положительные экспериментальные результаты в будущем перевесят очевидные с теоретической точки зрения отрицательные эффекты. Но в настоящее время возможно оперировать только теоретическими гипотезами, согласно которым территории опережающего развития для выполнения функции стимулирования развития экономической и социальной системы региона должны транслировать положительные экономические эффекты (спрос, компетенции, стандарты, культуру бизнеса и пр.) на окружающие эти локальные зоны территории, обеспечивая мультиплицирование агломерационного эффекта и уплотняя экономическое пространство.

Это предполагает, что территории опережающего развития размещены в пределах сформировавшихся уже на Дальнем Востоке зон концентрированной экономической деятельности (районы «Большого Хабаровска», «Большого Владивостока», Благовещенска, Южного Сахалина, Комсомольска-на-Амуре). В этих районах сложилась хозяйственная специализация, функционирующие в них экономические агенты позиционированы по отно-

шению к рынкам. Создание в пределах этих районов территорий опережающего развития (часть их именно в этих районах и создана) должно по идее позволить усилить уже получаемые эффекты за счет создания центров конкурентного преимущества. Такие центры могут выступать ядрами, усиливающими эндогенные эффекты на территории, но выполнение ими этой функции возможно только при равном определении конкурентных преимуществ, предоставляемых институциональным режимом и льготами экономическим агентам.

Административные и налоговые преференции сами по себе не создают конкурентных преимуществ. Последние связаны с особыми возможностями рыночного функционирования экономических агентов в смысле эксклюзивных технологических, сырьевых, финансовых возможностей, предоставления доступа к квалифицированным трудовым ресурсам, особо выгодной логистики и т. п.

Задача создания реальных конкурентных преимуществ для экономических агентов важна с точки зрения развития региона, но не единственна. Как отмечалось выше, региональное развитие предполагает выполнение ряда условий, в том числе модернизацию коммунальной и социальной среды, повышение качества жизни населения, рост общего уровня доходов, преобразование транспортной и социальной инфраструктуры, уплотнение рынка труда, создание опорных мест поселения и пр. Этого невозможно добиться лишь институциональными новациями. Нужны масштабные инвестиции, и не в магистральную инфраструктуру, а в коммунальную, социальную и инфраструктуру рынка [1]. В свою очередь, инвестирование в эти направления может не дать эффекта без соответствующей институциональной поддержки в создании регионально локализованной общей институциональной оболочки

В этом случае можно надеяться на конструирование адаптированного к стандартам Восточной Азии региона, имеющего при этом

и благодаря этому очевидные конкурентные преимущества в рамках национального экономического пространства.

Заключение

Изменение геостратегического вектора экономической политики страны объективно отражает, с одной стороны, реальные сдвиги в пространственной организации мировой экономики и изменение размещения основных полюсов глобальной экономической и политической силы, а с другой стороны, сокращение возможностей экстенсивного наращивания экспортных доходов на европейском рынке в условиях ужесточающейся конкуренции со стороны новых игроков и технологических субститутов.

Однако попытки замещения атлантического вектора развития на восточный вектор принимаются в рамках парадигмы экстенсивного развития российской экономики в целом и ее восточного крыла — Дальневосточного региона, в частности, а также в условиях консервации институциональной среды и управленческих технологий. Вместе с тем в макроэкономическом, структурном, технологическом и институциональном отношении и атлантический, и тихоокеанский фрагменты глобальной экономики развиваются и изменяются очень интенсивно, что может обусловить увеличение разрыва между российской и глобальной экономикой не только в количественном, но — прежде всего — в качественном отношении.

«Поворот на Восток» для российской экономики — не отказ от евроатлантического вектора сотрудничества, а достижение оптимального соотношения западного и восточного векторов глобальных взаимодействий, — должен опираться на глубокую модернизацию как внутренней макроэкономической политики и институциональной среды, так и на интеграцию в институциональные форматы международного экономического сотрудничества в Восточной Азии.

Список источников

1. Минакир П. А., Прокапало О. М. Российский Дальний Восток. Экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 5–26.
2. Демина Я. В. Финансовые рынки стран Восточной Азии // Пространственная экономика. — 2016. — № 3. — С. 81–104.
3. Wirth C. Hot Politics — cold economics and cold politics — hot economics: the limits of Russian, Chinese and Japanese “high politics» in view of East Asian integration // Russia and East Asia/ Informal and gradual integration. — N.Y.: Routledge, 2014. — 293 p. — P. 247–271.
4. Akaha T., Vassilieva A. Russia in regional integration processes // Russia and East Asia/ Informal and gradual integration. — N.Y.: Routledge, 2014. — 293 p. — P. 272–282.

5. Бардаль А. Б. Новый шелковый путь. Возможности и угрозы для транспортного комплекса Дальнего Востока России // Восток России. Проблемы освоения пространства. — Новосибирск : Издательство ИЭиОПП СО РАН, 2017. — 484 с. — С. 286–309.
6. Gregory P.R. A Russian Crisis With No End In Sight, Thanks To Low Oil Prices And Sanctions [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2015/05/14> (дата обращения: 16.07.2017).
7. Мау В. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 488 с.
8. Минакир П. А. Простые рецепты в сложной игре // Пространственная экономика. — 2015. — № 3. — С. 7–15.
9. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Динамика потребительских цен в России в период спада экономики / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. — 2016. — № 9. — Январь. — 20 с.
10. Маневич В. Е. Долговременные макроэкономические процессы в условиях роста российской экономики // Вопросы экономики. — 2017. — № 1. — С. 40–63.
11. Гурвич Е. Т., Прилепский И. В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. — 2016. — № 1. — С. 5–35.
12. Экономика России перешла в стадию роста [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (дата обращения 16.07.2017).
13. Глобальная экономика возвращается к росту. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (Дата обращения 22.07.2017).
14. Долговые рынки сегодня. Обзор Sberbank CIB [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (дата обращения 24.07.2017).
15. Романова О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. — 2017. — № 1. — С. 276–289.
16. Изотов Д. А. Дальний Восток. Новации в государственной политике // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 27–44.
17. Исаев А. Г. Оценка эффекта государственных капиталовложений на частные инвестиции в Дальневосточном федеральном округе // Регионалистика. — 2017. — № 3. — С. 26–34.
18. Вардомский Л. Б. Об азиатском векторе развития России // ЭКО. — 2017. — № 7. — С. 99–111.
19. Исаев А. Г. Территории опережающего развития. Новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. — 2017. — № 4. — С. 61–77.

Информация об авторе

Минакир Павел Александрович — доктор экономических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель, Институт экономических исследований ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: minakir@mail.ru).

For citation: Minakir, P. A. (2017). «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(4), 1016-1029

P. A. Minakir

Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of RAS (Khabarovsk, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru)

«Turn to the East» Policy: Expectations and Reality

Macroeconomic dynamics, foreign economic relations, reproduction proportions in the Russian economy and the economy of the Russian Far East are analyzed. The author considers sub-global orientation of state economic policy in Russia after 2010. The changing geographic vector of economic policy is analyzed through a modified geographic structure of the expected increase in the country's export rent, and also through the shift of the center of concentration of resources, which are necessary to form a new pole of growth in the national economy. The author reviews macroeconomic dynamics and analyzes the factors of the cyclical development of the Russian economy. The paper evaluates the dynamics of the geographical structure of foreign markets. The author's hypothesis suggests that foreign trade interactions are not sufficiently restructured to reconceive economic policies. For this purpose, the institutional integration within the new integration space is of critical importance. The article considers trends and regularities that explain the equilibrium parameters of the economic system of the Russian Far East, as well as the possibility of transition to new equilibrium levels. The author discusses the ratio of investment and institutional factors of modernization and the formation of stable positive macroeconomic and structural dynamics in the region. Based on Russian and foreign scientific literature, I consider the most common interpretations of threats and opportunities for the economic development of the Russian Far East, including the impact of demographic trends, structural improvement, competitive environment factors, institutional innovations. The study discusses the influence of the Chinese «one belt — one way» project on the prospects for implementing the domestic and foreign eastern economic policy of the Russian Federation.

Keywords: Asia-Pacific region, Far East, foreign trade, economic crisis, international cooperation, institutional environment, growth factors, macroeconomics, migration, investments, multiplier

References

1. Minakir, P. A. & Prokapalo, O. M. (2017). Rossiyskiy Dalniy Vostok. Ekonomicheskie fobii i geopoliticheskie ambitsii [Russian Far East: Economic Phobias and Geopolitical Ambitions]. *EKO [ECO]*, 4, 5–26. (In Russ.)
2. Dyomina, Ya. V. (2016). Finansovyye rynki stran Vostochnoy Azii [East Asian Capital Markets: Integration and Convergence]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 3, 81–104. (In Russ.)
3. Wirth, C. (2014). Hot Politics — cold economics and cold politics — hot economics: the limits of Russian, Chinese and Japanese “high politics» in view of East Asian integration. *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. N.Y.: Routledge, 293. (247–271).
4. Akaha, T. & Vassilieva, A. (2014). Russia in regional integration processes. *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. N.Y.: Routledge, 293. (272–282).
5. Bardal, A. B. (2017). Novyy shelkovyy put. Vozmozhnosti i ugrozy dlya transportnogo kompleksa Dalnego Vostoka Rossii [New Silk Road: Opportunities and Threats for the Transport Complex of the Russian Far East]. *Vostok Rossii. Problemy osvoeniya prostranstva [East of Russia: Problems of Space Development]*. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN Publ., 484. (286–309). (In Russ.)
6. Gregory, P. R. *A Russian Crisis With No End In Sight, Thanks To Low Oil Prices And Sanctions*. Retrieved from: <http://www.forbes.com/sites/paulroderickgregory/2015/05/14> (date of access: 16.07.2017).
7. Mau, V. (2016). *Krizisy i uroki. Ekonomika Rossii v epokhu turbulentsnosti [Crises and Lessons: The Economy of Russia in the Age of Turbulence]*. Moscow: Institut Gaydara Publ., 488. (In Russ.)
8. Minakir, P. A. (2015). Prostyye retsepty v slozhnoy igre [Simple Strategies in a Challenging Game]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 3, 7–15. (In Russ.)
9. Dinamika potrebitelskikh tsen v Rossii v period spada ekonomiki [Dynamics of Consumer Prices in Russia in the Period of Recession]. (2016, January). *Byulleten sotsialno-ekonomicheskogo krizisa v Rossii [Bulletin of Socio-Economic Crisis in Russia]*. Analiticheskiy tsentr pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii [Analytical Center for the Government of the Russian Federation], 9, 20. (In Russ.)
10. Manevich, V. E. (2017). Dolgovremennyye makroekonomicheskie protsessy v usloviyakh rosta rossiyskoy ekonomiki [Long-Term Macroeconomic Processes in Conditions of Growth of the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*, 1, 40–63. (In Russ.)
11. Gurvich, E. T. & Pripilepskiy, I. V. (2016). Vliyaniye finansovykh sanktsiy na rossiyskuyu ekonomiku [Influence of Financial Sanctions on the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*, 1, 5–35. (In Russ.)
12. *Ekonomika Rossii pereshla v stadiyu rosta [The Russian economy has entered a stage of growth]*. Retrieved from: <https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (date of access: 16.07.2017). (In Russ.)
13. *Globalnaya ekonomika vozvrashchaetsya k rostu [The global economy is returning to growth]*. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (date of access: 22.07.2017). (In Russ.)
14. *Dolgovyye rynki segodnya. Obzor Sberbank CIB [Overview of Sberbank CIB «Debt markets today»]*. Retrieved from: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (date of access: 24.07.2017). (In Russ.)
15. Romanova, O. A. (2017). Innovatsionnaya paradigma novoy industrializatsii v usloviyakh formirovaniya integralnogo mirokhozaystvennogo uklada [The Innovation Paradigm of New Industrialization in the Conditions of the Integrated World Economic Way]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 1, 276–289. (In Russ.)
16. Izotov, D. A. (2017). Dalniy Vostok. Novatsii v gosudarstvennoy politike [The Current Government Decisions for Economic Development of the Russian Far East: a Critical View]. *EKO [ECO]*, 4, 27–44. (In Russ.)
17. Isaev, A. G. (2017). Otsenka efekta gosudarstvennykh kapitalovlozheniy na chastnye investitsii v Dalnevostochnom federalnom okruge [Evaluation of the Effect of Public Investment on Private Investment in Far Eastern Federal District]. *Regionalistika [Regionalistics]*, 3, 26–34. (In Russ.)
18. Vardomskiy, L. B. (2017). Ob aziatskom vektore razvitiya Rossii [On the Asian Vector of Russia's Development]. *EKO [ECO]*, 7, 99–111. (In Russ.)
19. Isaev, A. G. (2017). Territorii operezhayushchego razvitiya. Novyy instrument regionalnoy ekonomicheskoy politiki [The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy]. *EKO [ECO]*, 4, 61–77. (In Russ.)

Authors

Pavel Aleksandrovich Minakir — Doctor of Economics, Member of RAS, Professor, Head of the Scientific Programs, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru).